

НОВАЯ ВСТРЕЧА ВОСТОКА И ЗАПАДА ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

С.Ф. Ольденбург

Противоположение Запада Востоку очень древне вообще, но вполне сознательным оно стало со времени существования эллино-римского мира. Эллинская культура в своей большой интенсивности, с первыми крупными достижениями в области математики и вообще точных наук, дала новые культуры. Ее наследник и преемник внес новые черты государственности, уточнения права и прав, выдвинув понятие «римского гражданина». С Грецией и Римом мы ясно сознаем, что создан какой-то новый мир, самой характерной чертой которого надо, по-видимому, признать интенсивность его культуры, соединенную с ярко выраженным представлением о человеческой личности. Мы слишком еще слабо владеем методами исторического исследования развития человека и человечества, чтобы решаться уже на определенные объяснения сложного исторического процесса. Сравнительно недавно только начато исследование сложного экономического фактора, изучение которого, особенно по отношению к древности, с ее скудными нам доступными источниками, представляет исключительные трудности. Шли долгие столетия интенсивного культурного развития и, хотя никогда не прерывалась связь Востока и Запада, но основные пути развития были иные. Политически и экономически усиливался Запад, с его громадными успехами техники и особенно науки; соответственно слабее Восток. Но то, что казалось такою силою Западу, стало его слабостью. Медленно шел он к той катастрофе, которая в виде мировой войны потрясла его основы. Западу приходится пересматривать основные положения своей культуры, и здесь на одном из первых мест стоит пересмотр отношения к Востоку. Старое положение хозяина и вершителя судеб уже отвергнуто жизнью. Нужны новые основы. Единение и равенство, эти два принципа ложатся, поэтому, в основу современных исканий по отношению к Западу и Востоку. Если мы

оглянемся на те приблизительно два с половиною тысячелетия, за которые появилось и выявилось в жизни противоположение молодого Запада старому Востоку, то нужно признать, что мы имеем дело с принципами, новыми во взаимоотношениях двух миров, принципами, вытекшими из сложнейших и крупнейших переживаний мировой войны и последующих революций.

Восток перестал быть неподвижным, своими культурными силами он движется на Запад, пока еще не для завоевания, как в былые далекие века гуннов и татар, а раньше еще и персов, а для того чтобы научиться тому, чему у себя не научишься. На Восток легла печать новых стремлений; даже в глухих уголках, в горах, лесах и пустынях распространяются вести о том, что делается на свете; благодаря им тянутся невидимые нити мировой культуры во все концы.

Война, в битвах которой солдаты Востока сражались бок о бок с солдатами Запада, сделала чрезвычайно много для усиления мирового общения: чтобы указать один пример из тысячи, сошлемся на Пенджаб, куда в глухие деревни крестьяне-солдаты, сражавшиеся на полях Франции и Бельгии, принесли сельскохозяйственные навыки и нововведения Европы. Величайший объединитель — язык сделал свое международное дело: сотни тысяч военнопленных прислушались к чуждым им до того языкам, научились им, а через них научились и понимать чуждую им до того жизнь. Сколько в связи с этим пережито и передумано широкими массами, а ведь эти массовые переживания переходят и в жизнь.

Если на Западе увеличилось число границ и как бы воздвигся ряд частоколов между отдельными странами, то несомненно ослабились границы между Востоком и Западом. Союз Советских Республик на громадном протяжении соприкасается с Востоком, и значительная часть народов Востока входит в Союз. Здесь границы уже не частоколы Запада, а легко и постоянно переходимые, зачастую почти лишь теоретические границы.

Но не только у нас мы видим это значительное явление, оно выделяется на переднем Востоке, оно чувствуется в Северной Африке, соединяющейся и с Востоком, и с Западом. Франция уже открыто провозгласила, что нет разницы между белыми и цветными гражданами французской республики.

Мы одинаково близки и Западу, и Востоку. Сошлюсь на примеры чрезвычайно характерные: крупный западный культурный деятель, возвратившийся после продолжительного пребывания на Востоке через Сибирь на Запад, сказал: «Когда я приехал в Читу, я сразу почувствовал

себя в Европе». Одновременно я встретил индийского и китайского ученых в Москве, и они мне сказали, что не чувствуют себя на чужбине: одному Москва напоминала об Агре и Дели, другому о Пекине. А сколько представителей народов Востока встречаем мы на улицах Москвы и у нас [в Ленинграде], которые только цветом лица и небольшим акцентом отличаются от окружающей их толпы, и сколько русских встретишь на Востоке, которых почти не отличишь от местных жителей.

Начавшаяся с войною и исходившая из совершенно особых побуждений большая осведомительная литература о разных странах на многих языках не исчезла после войны, но уже переменяла в значительной мере направление и отчасти даже свою сущность. Если литература времени войны усиленно указывала на слабые и отрицательные стороны жизни и культуры противника, искала его слабых мест и старалась всячески действовать выявлению, по возможности яркому, черт национальных, стараясь всячески обособить отдельные народы на группы народов и противопоставить их другим, усиленно подчеркивая при этом черты обособляющие, то теперь мы замечаем явление, в значительной мере обратное: так как мировая война и ее идеология уже мало встречают сочувствия, то медленно, но определенно начинает наступать оздоровление. Жизнь обладает удивительным и драгоценным свойством: как только появляется одностороннее течение, очень быстро ему противопоставляется определенная реакция, исправляющая уродливую односторонность. Мировая война создала исключительно сильные националистические течения, как реакция против них является бессознательный и сознательный интернационализм. Мы видим сейчас большую литературу, показывающую нам с несомненной и убедительнейшей очевидностью, до чего тесно переплетаются самые разные национальные культуры, нисколько при этом не теряя своих индивидуальных черт. И любопытно, что эти доказательства интернационализма совершенно не относятся специально к нашему времени, что было бы легко понятно, напротив того, мы видим сильное течение в исторической научной литературе, вскрывающее чрезвычайно развитые международные и междуплеменные сношения. Нам мало еще понятны пути и способы этих стариннейших сношений, но мы всюду чувствуем их следы, последствия скрещений, взаимных влияний, объединений. Мы начинаем понимать, что как и теперь, так и всегда сила соединения была в человечестве сильнее, чем сила обособления и разъединения, потому что в трудной борьбе с природою и со всеми осложнениями, которые создает для жизни человек, ему совершенно необходимо объединение.

На этой почве происходит теснейшая смычка работы в области наук гуманитарных и естественных через географию, одна из новейших задач которой в ее углубленном понимании значения влияния земной коры на развитие растительного и животного мира, включая сюда и человека. Новейшие работы нашего известного ботаника и селекциониста Н.И. Вавилова о злаках открывают новые и важные горизонты для исторического исследования.

Жизнь человечества неотделима от окружающей его природы, и влияние последней на ход развития его культуры, не только материальной, но и духовной, громадно. И чем слабее культура и цивилизация, тем сильнее это влияние природы, бороться с которой человек еще почти не умеет и к которой он, поэтому, старается как-нибудь приспособиться и материально и духовно.

Характерно, как тесно сплетаются современные жизненные стремления к широким объединениям народов и племен, движение Востока на Запад с новыми научными достижениями, доказывающими, как сильны были в глубокую старину эти же стремления, в такие времена, когда сознательно не существовало еще различие культур Запада и Востока. Мы как будто таким образом после тысячелетий возвращаемся к тому, что уже было на первых почти ступенях образования племен и народов. После долгого периода дифференциации, во время которого выделялись и выявлялись особенности народные, племенные, классовые, индивидуальные, необходимые для того, чтобы могли образоваться разные культуры, отражающие все многообразие жизни, начался процесс объединения в мировом масштабе всего того, что есть общего в этих культурах. Теснейшая зависимость экономического положения отдельной области, отдельной страны от мировых экономических контактов прежде всего дает себя знать, потому что касается той стороны жизни, которая наиболее непосредственно и наиболее широко ощущается, — стороны материальной. Почти так же сильно ощущается необходимость согласования ценной сети путей сообщения, хотя следует признать, что в этом отношении Восток очень отстал. Значительные части Азии в отношении путей сообщения почти не претерпели изменений за тысячелетия, мы даже можем указать на достаточно отдаленные от нас периоды, когда пути сообщения на Востоке были во многих местах лучше, чем теперь. Планов, однако, много уже и сегодня, и можно быть уверенным, что при первом значительном улучшении экономического положения вопрос о путях сообщения в Азии станет первоочередным. Для вопроса о сближении Востока и Запада он имеет, конечно, первостепенное значение.

Уже раньше было сказано о большом значении языков как элемента и разъединяющего, и соединяющего. До сих пор нам совершенно еще не ясны причины, которые вызывают чрезвычайную живучесть одних языков и быстрое отживание других. Одним из наиболее ярких примеров первого типа является язык басков на границе между французским и испанским: несмотря на то что баски жили и живут среди двух столь ярких культур, как французская и испанская, с их столь развитыми языками, имеющими к тому же такое громадное распространение (французский во всем мире, а испанский, кроме Европы, и в Америке), они сохранили свой язык, который, судя по новейшим разысканиям представляет нам очень древнюю стадию развития языка. С другой стороны, мы видим, как уже в историческое время исчезли некоторые арийские языки у народов сравнительно высокой культуры и заменились одним из турецких языков. Мы знаем, что исчез ряд финских языков, причем говорившее на этих языках население говорит теперь по-русски. И таких примеров много.

Мы видим, что после мировой войны и революций очень усилился национальный, даже националистический элемент, а с ним и стремление к сохранению и обособлению языков, появилась большая литература на местных языках. Но рядом с этим мы видим и противоположное явление — сознание, что языки небольших этнических групп не могут рассчитывать на широкое распространение и что поэтому необходимо непременно примкнуть в языковом отношении к какому-нибудь широко распространенному языку. На Востоке такими двумя языками, к которым замечается наибольшая тяга, как к языкам международного общения, являются, несомненно, на первом месте английский, затем русский. На Переднем Востоке с ними до известной степени конкурируют из европейских — французский и немецкий, из восточных — персидский и турецкий.

На почве экономической, преодолевая трудности отсутствия в настоящее время более культурных путей сообщения, постепенно уничтожая разноязычие, Восток понемногу переходит к более нормальным формам и политического общения, в широкой мере заимствуя у Запада его новые общественные формы. Восток заставляет Запад считаться с собою и признает невозможным и пережитым старое владельческое отношение Запада к себе, о котором мы говорили раньше. Пока мы еще мало видим положительных результатов, всюду больше чувствуется либо анархия, как в Китае, либо напряженная неопределенность, как в Индии. Но несмотря на всю эту неопределенность положения, всюду на Востоке

чувствуется громадный сдвиг жизни: Восток начал сознавать, что в нашей кипучей жизни нельзя стоять на месте, нельзя дремать и мечтать, иначе предстоит гибель, и Восток хочет теперь жить одною жизнью с Западом, хотя еще пока не знает, как это сделать, потому что разница во всем строе и настрое жизни чрезвычайно велика. Одни люди на Востоке думают, что надо просто целиком перенести все западное на Восток и Восток от этого расцветет и процветет. Другие, наоборот, чужаются Запада. Приблизительно то же чувствуется в отношении Востока и на Западе.

Нормальным отношениям между Востоком и Западом мешает, прежде всего, плохая осведомленность и большая предвзятость, затрудняющая объективно присматриваться к чужой жизни. Остановимся на примере, который, как мне кажется, прекрасно характеризует тип отношения западного человека к Востоку. Мы часто любим употреблять выражение «китайские церемонии», искренно воображая, что действительно китайцы страдают от исключительного пристрастия к церемониям, причем мы не подозреваем, что китайцы, со своей стороны, обвиняют нас в том, в чем мы обвиняем их. В моей памяти отчетливо запечатлелся рассказ одного церемониймейстера прежнего двора, который смеялся над любовью к церемониям представителя какой-то азиатской державы: посланник нес длинный сверток, грамоту, которую, по обычаю своей страны, должен был нести прямо, а отнюдь не боком. Между тем, по церемониалу дверь у нас полагалось раскрывать на обе половинки лишь перед послами. Посланник отказался пронести свою грамоту боком, а иначе она не проходила в раскрытую лишь на одну половину дверь. «И что же?» — спросил я церемониймейстера. «Так и ушел, чудак. Представьте, до чего они доходят со своими церемониями!» — «Но почему же вы не открыли вторую половину двери?» — «Помилуйте, ведь это был только посланник». Несомненно, что подобное малодумчивое отношение к чужой жизни очень препятствует пониманию этой жизни, так же как препятствует и недостаточно внимательное отношение.

На днях мы получили только что вышедший интересный и прекрасно составленный историко-литературный сборник, в котором приняли участие наши лучшие силы в области истории и теории литературы. С грустью пришлось констатировать, что в этом ценном сборнике Восток совершенно отсутствует. Несомненно, что для составителей сборника Восток интереса не представлял, несмотря на его богатые литературы, несмотря на то что в области поэтики так удивительно много сделано на Востоке. В этом отношении наши западные соседи относятся к Востоку с гораздо большим интересом, и аналогичные издания уделяют ему очень

много внимания — сошлюсь хотя бы на прекрасный историко-литературный журнал, начавший выходить в 1921 году, «Revue de Littérature comparée».

В этом интересном журнале мы сталкиваемся с определенно выраженным взглядом, который не может не служить препятствием для сближения между Востоком и Западом, взглядом, который, как мы укажем далее, чужд нам, русским. Один из двух редакторов журнала, профессор Балдансперже, в интересной статье «Где Восток и Запад встречаются», говоря о смычке между Востоком и Западом, требует, чтобы Запад остался тверд в том, что составляет его основную черту — отчетливости и определенности, которым теперь угрожает туманность и расплывчатость Востока. Эта статья замечательна как своего рода «манифест против увлечения Востоком», она написана с точки зрения горячего преклонения перед западной цивилизацией и культурой, которая для автора и есть истинная, единственно приемлемая, настоящая мировая культура. Вся статья проникнута глубокой, тяжелой тревогой. «Восток и Запад, Соперники белого человека, Весть Востока, Подъем Востока, Два мира... со всех сторон множатся признаки характерной и новой заботы». Этими словами начинается статья. Далеко то время, продолжает автор, когда Жюль Леметр выражал опасение, что славянское милосердие и скандинавский индивидуализм начинают просачиваться во французскую литературу. Если по отношению к русской литературе во Франции наступило некоторое охлаждение, то это потому что в ней чувствуется некоторая распушенность, неустойчивость и болезненность, которые показывают, что здесь мы имеем дело уже с чем-то, что не чисто европейское.

Да, со времени войны все множатся признаки, с одной стороны, меньшей силы сопротивления Запада, с другой — большей силы распространения Востока. С нескрываемой тревогой Балдансперже перечисляет ряд этих явлений постепенного проникновения Запада Востоком, причем по отношению к России он указывает на нашу «Всемирную литературу», где Горький, по его мнению, провозгласил азиатскую мысль руководительницей нового времени. Чувствуется, что это уже не восхищение экзотизмом, а что-то гораздо более глубокое, а потому и более опасное. Нечто, что хочет бороться с мыслью коренного основного Запада, нечто, что не считается с личностью, этой другой основой того же Запада. А в это время на том же Западе, в его собственных рядах раздается грозный клик «мы погибаем», «настал закат Запада».

Верный великому принципу Запада — бороться, бороться до конца, так, как предки Запада боролись при Фермопилах, оставив этот пример

всем грядущим поколениям, Балдансперже ополчается против подступающего врага. Прежде всего он старается доказать себе и другим, что Запад жив и способен жить и дальше, что «машинизация» Запада неправильно понята, что верны глубокие слова Гёте — «Цифры не руководят миром, они только показывают, как ведется мир». Это все, конечно, верно, но не в этом дело. Автор боевой статьи против Востока показал нам лишней раз, что на Западе не понимают и не знают Востока с его изумительной многогранностью, что Запад односторонне представляет себе Восток как страну туманных мечтателей, рассказчиков бесконечных сказок и эпопей, любителей кричащего великолепия, страну, где нет человеческой личности, нет мысли, а есть только чувство, страну общественного хаоса и тирании. При таком взгляде на Восток, конечно, понятно, почему его боится чувствующий свое ослабление Запад. Все это чуждо и враждебно Западу.

На самом деле Восток иной. Прежде всего, его действительно одно отделяет от Запада: Запад судорожно боится потерять себя, свое «я», он думает, что в этой охране «я» и лежит его сохранение, забывает, что именно тот, кто не боится потерять себя, сохранит себя. Есть великолепная восточная притча, которая, конечно была сказана не для того, чтобы доказать ту мысль, которую я сейчас хочу доказать, но в этой притче глубокий мистический смысл. И как всякая глубокая мысль, она многогранна и поддается и иному толкованию.

Некто пришел и постучал в дверь хижины. Раздался голос: «Кто там?» — «Это я, любимая». — «Уйди, здесь места нет двоим», — и он ушел. Шло время, и он опять пришел и вновь постучал, и вновь голос спросил: «Кто там?». И он ответил: «Это ты». И дверь открылась, и он вошел.

Речь идет о мировой душе и об отдельной душе, ищущей слияния с мировой душой. Это одно толкование. Но есть и другие, и вот одно из них: кто не стоит за свое личное «я», считая его чем-то, что он никогда и никому не может отдать, тот может овладеть всем, сливаясь с ним, не уничтожив ни себя, ни целое. И когда новая жизнь выдвигает на сцену широкую народную массу, отдает жизнь ей, и когда сильные и большие люди, не боясь потерять себя, идут в эту массовую жизнь, сознавая, что будущее в ней, то, несмотря на то что учение о массах, социализм возник на Западе, его живое осуществление идет с Востока.

Личность на Востоке существует, и отрицать ее значит недостаточно знать историю Востока. Биографии этих ярких личностей Востока не так хорошо нам известны, как биографии людей Запада, потому что

интерес к истории на Востоке был слабее, и потому сохранилось меньше материалов, но мы хорошо знаем, что личности эти были и чем им обязан Восток. Восточная мысль во всей ее силе и широте ее захвата становится известной Западу только в последнее время, и именно как мысль ясная, отчетливая, а не туманная. Столь же неправильно и представление о литературах Востока. Уменье чрезвычайно сжато, с тончайшим расчетом на слушателя создать увлекательный, остроумный рассказ, конечно, присуще восточному художнику-писателю не менее, чем западному, а эпическими повторениями богат и Запад. Индийские архитекторы, так же как и иранские создали произведения, которые человечество поставит в одном ряду с Парфеноном, а китайская живопись начинает изучаться, а потому и пониматься и на Западе. А глубочайшее чувство и понимание природы, которые мы видим у китайских живописцев и китайских, индийских и персидских поэтов! А тончайшее понимание ритма в жизни — где оно глубже и сильнее, чем у восточного художника? Напрасно утверждать, что Запад строит, а восточный — в указании Балдансперже, японский — ум расчленяет: созидательная, а не дезинтегрирующая сила Востока громадна, нужно только пожелать и уметь ее видеть и чувствовать.

Такие манифесты как интересная и талантливая статья Балдансперже, глубоко поучительны: они доказывают, что Запад не знает Востока и только боится его прихода. Раньше он боялся полчищ кочевников и их всепожирающей силы, теперь Запад боится идеологии Востока, которая, как ему кажется, расстроит и расчленит его стройные построения, затмит своим туманом ясные и отчетливые очертания его жизни, личность уничтожит и на ее место поставит хаотичную массу.

Из всех этих опасений только последнее имеет некоторые основания, и то оно зиждется частью на недоразумении: да, масса должна войти не как бессознательный фактор, чем она была и раньше, но уже как фактор сознательный, и это величайшее достижение XX века именно зиждется на более близком схождении Востока и Запада, причем, очевидно, среднему миру России придется сыграть в этом деле большую роль: союз республик уже в известной мере осуществил западно-восточное объединение.

Если на Западе нет настоящего понимания Востока, то, к сожалению, и на Востоке во многих отношениях также господствует непонимание. Даже такие чуткие и прозорливые люди, как индийский поэт Тагор, столь широко популярный на Западе, воспринимают Запад односторонне и их представление о грубоматериалистически-денежном Западе слишком упрощенное, а представление о Востоке как стране исключительно

противоположной идеологии, более идеалистической, конечно, опровергается жизнью. Тагор говорит: «Я не поклонник экономики». Такое заявление показывает, что он в своем поэтическом порыве не хочет в достаточной мере считаться с действительностью. Экономика есть, и с ней надо считаться, поскольку желаешь освободить широкие человеческие массы от рабства перед материальной нуждой. Об этом Восток тоже много думал, но менее систематически, чем Запад, и в этом была его слабость, зависевшая от многих причин.

Если мы обратимся к людям менее крупным, чем Тагор, то мы заметим у современного Востока зачастую низменное отношение к Западу. Мы читаем заявления о том, что Восток из глубин своей мудрости преподаст Западу, погибающему и разрушающемуся, уроки истинной мудрости, научит его и истинному искусству. Пока такие голоса еще единичные, и надо желать, чтобы они остались единичными, а то Восток постигнет большое разочарование: Запад не разваливается, готов услышать многое, что может сказать Восток, но передумает это по-своему, так же как и истинный Восток ничего рабски от Запада не примет.

Сошлись опять в поступательном движении истории культуры, некогда нераздельные, слились, пройдя каждая длинный путь, многому научившись и многое выработав независимо, сошлись в минуту громадного мирового кризиса, экономического и социального. Сошлись, по-видимому, не для борьбы, а для соединения сил на общей работе, исключительно трудной и ответственной, сошлись, к сожалению, мало еще зная и понимая друг друга. Главная и срочная задача поэтому, победить это незнание и непонимание.

*Подготовка текста рукописи
Т.Ю. Гнатюк*

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья выдающегося востоковеда Сергея Федоровича Ольденбурга (1863-1934) извлечена из его личного фонда академического архива в Санкт-Петербурге (Ф. 208, оп. 1, д. 115). На первый взгляд она, в некоторых местах, кажется архаичной по содержанию. К примеру, в ней сделаны акценты на временных реалиях политической ситуации в Азии в конце 20-х годов XX века — упомянуты хаос гоминьдановского Китая вследствие крупномасштабной революции и социальная депрессия в Индии из-за ига английской

колонизации. Сегодня все это уже стало достоянием истории, и на современной карте Востока проступил совсем иной рисунок. Однако в целом статья несколько не утратила свежести мысли и чарующего магнетизма знаний, которые только подчеркивают широкий интеллект ученого. Его размышления о путях единения Востока и Запада являются нервом уходящего столетия. И так же, как и 70 лет назад (статья написана, вероятно, в конце 20-х или начале 30-х годов), на злобу дня встает вопрос о «западно-восточном объединении».

После развала Советского Союза и падения нашей державности ресурс Востока остается до сих пор еще не исчерпанным. И дело здесь не в религиозном преимстве и не в том, что «Запад боится идеологии Востока», по слову С.Ф. Ольденбурга. Всё гораздо серьезнее и значительнее. Речь идет о прочной духовной платформе, о священных принципах Союза народов Азии и России, исторически являющейся устоем к Западному миру. Духовно-материальный поток уже связывает два континента, этот процесс идет и работа на объединение совершается. Две цивилизации неизбежно уравновесят друг друга, несмотря на то что в постперестроечный период еще бродят на пространстве Евразии тени болезненного национализма. В будущем для народов Запада и Востока станет, возможно, более чем жизненной невостремованная пока идея культурного единства.